

Четвероногий сыщикъ.

Нлухая ночь. Черныя сумерки низко спустились на землю и воздушнымъ покрываломъ обняли ее. Звѣзды далеко мерцали то яркимъ, то полупотухшимъ блескомъ, и земная темь какъ будто отражалась въ высокомъ куполѣ неба.

Все спало. Вода въ небольшой рѣчущкѣ съ топкимъ дномъ застыла и казалась розлитою между берегами. Черными громадами они нависали надъ еле блестящей водою. Дорога, что шла по узкой и прямой улицѣ хутора Островскаго, Крутоярской станицы, свертывала вправо и спускалась по крутому откосу къ водѣ. А тамъ вода и темь проглатывали тонкую, убитую телѣгами, полосу и, войдя въ воду, она пропадала.

Кто бы ни ѣхалъ этимъ путемъ, либо бралъ проводника изъ казаковъ-хуторянъ, либо спѣшилъ засвѣтло переѣхать Аксай—такъ называютъ эту рѣчку въ округѣ.

Въ то время, къ которому относится ниже описываемое собы-

тіе, въ Крутоярской станицѣ предстояла ярмарка, и люди разныхъ занятій, объединенные лишь барышомъ, сѣзжались—кто продать или купить живность, кто сбыть залежавшійся товаръ, а кто только и жилъ тѣмъ, что кочеваль съ ярмарки на ярмарку, сводя концы мелкою прибылью.

Небольшіе табуны лошадей съ Волги, скоть, бараны—все пригонялось сюда. Ярмарка славилась наплывомъ купцовъ и продавцовъ, и окружныя станицы ждали ярмарочныхъ дней (а ихъ всего три), задолго откармливая свою живность, предназначеную для продажи.

Завтра Борисовъ день, завтра открытіе ярмарки. Еще вечеромъ закончился пригонъ скота. Каждый остановился на ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ продавать свою живность.

Къ ночи все стихло. Лишь со стороны Островскаго былъ слышенъ осторожный стукъ колесъ тарантаса, спускавшагося къ Аксаю.

— Алексѣй, сойди-ка къ водѣ, можетъ найдешь дорогу, сказалъ молодой голосъ сѣдока, что въ бѣломъ халатѣ откинулся къ спинкѣ тарантаса.

— То-то темно, Михайло Николаевичъ, отвѣтилъ Алексѣй, нащупывая кнутовищемъ дно рѣчущки. Слѣдовъ нѣтути, не видать, а ѣхать топко... Какъ-бы не застрять. Надоть взять человѣка.

— Ладно, сходи на хуторъ, попроси кого-нибудь указать дорогу, да посули двугривенный.

— Можно и меньше: за што тутъ двугривня: пятачекъ—и то награда...

И онъ зашагалъ въ гору. Сначала его фигура была въ видѣ чернаго пятна, потомъ она слилась съ фономъ черной мглы. Лишь шарканье сапогъ по сухой землѣ, да стукъ кнутовища указывали куда онъ шелъ.

Алексѣй, поднявшись на гору, постучалъ кнутовищемъ о заборъ.

— Кто тамъ? послышался хриплый голосъ.

Изъ небольшой кухоньки вышелъ казакъ въ нижней рубашкѣ и штанахъ.

— Милый человѣкъ, а, милый человѣкъ!.. Проводи-ка насъ на тотъ бережокъ... Люди мы не здѣшніе, приѣзжіе, дороги не знаемъ... Хозяинъ ужъ пожалуетъ тебѣ на чаекъ!.. Поди, милый человѣкъ!..

— Да вы кто?

— Купцы!.. Издалека мы... Пригнали скоть на ярмарку.

— Гм!.. промычалъ казакъ, раздумывая. Вы-бы лучше переночевали тутъ: темно, лошадей сгубите... Берега вязкіе...

— Переночевать, говоришь ты, милый человекъ? Оно можно, да людей-то не знаемъ: станешь у какого лихого человекъ, а онъ тебя и...

— Становитесь у меня... вонъ тамъ, на дворѣ. Нонѣ тепло, переночуете на воздухѣ, а завтра въ путь...

— Ну, спасибо, добрый человекъ. Такъ ты двери открой... Михайло Николаевичъ, закричалъ онъ хозяину, ворочай лошадей сюда: вотъ казачекъ приглашаетъ къ себѣ на ночь... Оно и вѣрно, что лучше обождать. Сунешься, да и не выльзешь.

Черезъ полчаса Алексѣй и хозяинъ сидѣли передъ кухней на завалинкѣ, ожидая, пока вскипитъ самоваръ.

Казакъ разбудилъ жену.

— А ты, добрый человекъ, по фамиліи чей? обратился Алексѣй къ нему.

— Сарычевъ, Иванъ Николаевъ.

Свѣтъ отъ лампы упалъ на его лицо, и Алексѣй посмотрѣлъ на него въ упоръ.

Бѣлые глаза, черные волосы и борода, большой носъ и оттопыренные уши дѣлали его безобразнымъ. Онъ широко раскрывалъ свои «бѣльми», какъ называла его глаза жена, и подолгу задерживалъ ихъ на одномъ предметѣ.

— Что присматриваешься? Думаешь знакомы? хмурясь спросилъ казакъ.

— Нѣ... такъ... Нужно-же посмотрѣть хозяина двора.

— Тэ-экъ, протянулъ казакъ. А вотъ што: ежели хотите переночевать въ хатѣ—говорите: мы со старухой можемъ и на дворѣ проспать. А вамъ страшно... може деньги съ собою?...

— Развѣ тутъ бываютъ разбой? вмѣшался Михайлъ Николаевичъ, молодой человекъ, лѣтъ 30.

— Всяко бываетъ... Только тутъ-то не должно...

— Ну, слава Богу, а то я струхнулъ: тоже вѣдь—поплатиться тыщенкой не хотѣлось-бы. И Алексѣй нащупалъ въ боковомъ карманѣ, толстый бумажникъ, отданный ему на храненіе хозяиномъ.

Самоваръ вскипѣлъ. Хозяинъ всталъ и направился въ кухню. Пока прїѣзжіе доставали сахаръ и хлѣбъ, Сарычевъ успѣлъ заварить чай, налить въ стаканы и на бѣломъ подносѣ подать къ тарантасу.

Нашлось у казака и варенье, правда, съ какимъ-то привкусомъ, но съ дороги и ему были рады.

— Заночуемъ у лошадей, сказалъ Михаилъ Николаевичъ. Только ты, Алексѣй, достань чемоданчикъ съ револьверами—ихъ надо держать наготовѣ.

— Ладно, ладно... Попою лошадей, да и на боковую... Ко сну клонить.. Съ дороги, што-ли, не понимаю, а на земь такъ и валить...

Титеринъ—такъ была фамилія купца—самъ чувствовалъ, какъ послѣ двухъ стакановъ чаю его охватилъ сонъ. Никогда этого съ нимъ не было. «Усталъ, подумалъ онъ». И, развернувъ бурку, онъ снялъ сапоги и улегся спать на повозкѣ, оставивъ рядомъ съ собою мѣсто Алексѣю.

II.

— Караулъ!.. Караулъ!.. Бьютъ, спасите, помогите!.. вдругъ раздалось среди ночи по хутору.

И когда разбуженные казаки и бабы прибѣжали туда, откуда слышались стоны и слабые голоса съ призывомъ помощи, глазамъ представилась страшная картина.

Посреди двора Сарычева находились Алексѣй и его хозяинъ, облитые кровью, съ пробитыми черепами... Ужасный видъ двухъ полутруповъ, валявшихся около прикованныхъ къ тарантасу лошадей, усиливался обстановкой: кругомъ были разбросаны жакетки съ кровавыми пятнами штаны съ вырѣзанными карманами, и тутъ же орудіе убійства: ломъ съ запекшеюся на немъ кровью.

Алексѣй лежалъ молча. Голова его уткнулась въ широкую лужу крови, а руки откинулись въ разныя стороны... Правая рука въ двухъ мѣстахъ была сломана.

Около него съ опущенною головою, опершись на переднее колесо, сидѣлъ Михаилъ Николаевичъ. Изъ головы шла кровь. Надъ правымъ глазомъ зіяла широкая рана.

Онъ стоналъ.

— Воды!... Дайте воды... Усталыми, залитыми кровью глазами, онъ обвелъ толпу.

Впереди всѣхъ стоялъ Сарычевъ. Бѣлые глаза, не мигая, нагло

смотрѣли въ упоръ на чуть живого Титерина. Онъ не сводилъ ихъ съ раненаго. Толпы для него не было. Ея говора, соболѣзнованій бабъ и жалостливыхъ словъ казаковъ онъ, казалось, не слышалъ.

— Штоже ты, Иванъ, воды не дашь? Аль Христа у тебя нѣту? обратился къ нему сѣдобородый старикъ Еремѣвичъ.

Сарычевъ вздрогнулъ. Какъ бы проснувшись отъ сна, онъ быстрымъ, нервнымъ шагомъ пошелъ въ кухню и принесъ кружку воды.

— Это онъ, его дѣло... кивая на Ивана, шепнулъ казакамъ Еремѣвичъ. И зачѣмъ они стали у этого разбойника?... Нешто не знали, што это воръ?.. Экъ, какъ угораздиль!..

Титеринъ выпилъ воды, намочилъ съ помощью бабъ голову и смылъ кровь.

Стало свѣтать, когда на мѣсто преступленія прибылъ станичный атаманъ. Еще свѣжи были слѣды преступленія на влажной землѣ: за плетневымъ заборомъ былъ обнаруженъ слѣдъ ноги, одѣтой въ чирякъ съ низкимъ каблукомъ, а около тарантаса—рядъ еле замѣтныхъ такихъ же отпечатковъ ногъ.

Ясно было, что работаль одинъ, по крайней мѣрѣ на дворѣ.

Допросъ Сарычева былъ короткій. *Прямыхъ* уликъ для немедленнаго ареста, по заключенію атамана, не было: для простого казака, какимъ былъ атаманъ, слѣдственное дѣло является непосильнымъ.

Какіе-бы слѣдователи ни пріѣзжали потомъ разбираться въ страшныхъ дѣлахъ, первый моментъ бываль упущенъ. Виновные успѣвали опомниться и прятать концы въ воду.

Къ полудню прибылъ фельдшеръ изъ сосѣдней станицы, сдѣлалъ перевязки Титерину съ рабочимъ, который къ этому времени пришелъ въ себя; фельдшеръ перенесъ его на широкія дроги и повезъ въ ближайшій врачебный пунктъ—онъ отстоялъ отъ хутора на 23 версты.

Михаилъ Николаевичъ, пострадавшій легче, поѣхалъ въ Царицынъ—тамъ были его родные.

Передъ отъѣздомъ онъ, передавая атаману сто рублей, просилъ принять самыя энергичныя мѣры къ розыску преступниковъ и, если можно, выписать собаку-сыщика.

Стали сноситься телеграммами. Знаменитый «Трефъ» былъ занятъ, а изъ другихъ городовъ получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «собака въ отлучкѣ».

Отозвался лишь одинъ Воронежъ: оттуда, черезъ три дня должна была прѣхать «Дина».

Тѣмъ временемъ на другомъ берегу Аксая, въ саду, былъ найденъ чемоданъ, въ которомъ хранились револьверы. Онъ валялся неподалеку отъ узенькой дорожки, въ травѣ, весь изрѣзанный острымъ ножомъ. Револьверовъ не было, не было и 2-хъ тысячъ денегъ, заложенныхъ въ боковыхъ карманахъ Алексѣя.

III.

Было четыре часа утра. Солнышко не вставало, его утреннее золото не обдавало крутоярцевъ, а они были на ногахъ. По дорогѣ тянулись подводы, пѣшеходы тянулись группами, семьями и въ одиночку, даже дѣти—и тѣ шли на хуторъ, смотрѣть, какъ «Дина» будетъ раскрывать преступленіе.

Станица буквально опустѣла. Лавки и магазинъ не открывались—всѣ были на Островскомъ.

Мимо длиннаго хвоста любопытныхъ пронеслась пара лошадей, запряженныхъ въ деревенскій экипажъ: въ немъ сидѣли два жандарма и «Дина», взбаламутившая станицу съ ея соннымъ, безразличнымъ къ событіямъ, населеніемъ.

Теперь оно проснулось. Въ станицѣ были дѣла и погромче, но къ нимъ казаки не относились съ такимъ интересомъ, не отдавали сладкаго сна ранняго утра въ жертву.

Необычное участіе собаки-сыщика въ раскрытіи преступленія расшевелило станицу и она перекочевала на хуторъ.]

Тамъ уже были слѣдователь, засѣдатель—единственный чловѣкъ, боровшійся съ разбойнымъ началомъ, прибывшій назадъ Титеринъ, атаманъ, его семья, какъ непремѣнные спутники мѣстнаго администратора тамъ, гдѣ дѣло касалось скандала или грабежа, начальникъ почты; про рядовую публику я не говорю: если купцы махнули рукой на утренній барышъ, что же требовать съ казачекъ, бросившихъ корыта съ тѣстомъ, казаковъ, оставившихъ непоенный скотъ?..

По дорогѣ попался торговецъ мясомъ: увидя столь шумное и людное шествіе, онъ повернулъ лошадь и повезъ баранину туда, гдѣ она была не нужна—на хуторъ.

Народъ же не шелъ—бѣжалъ... Дорога была запружена телѣгами и повозками, по сторонамъ ея широкими рядами шла изъ станицы толпа смотрѣть на чудо; предвкушая это чудо, народъ забылъ и усталъ и сонъ.

Досчатый мостикъ для пѣшеходовъ сломали—такъ необыченъ былъ для него живой грузъ, и люди, кто въ чемъ былъ, брели по водѣ, не жалѣя ни костюмовъ, ни обуви.

Посреди двора Сарычева лежали изрѣзанныя жакетки, чемоданъ, мѣшокъ съ окровавленной землею и штаны, облитыя кровью.

— Дина!.. Любишь меня? Любишь? спросилъ собаку жандармъ, держа ее на длинномъ, собранномъ въ кольцо, учкурѣ.

Собака дважды тявкнула.

— Любишь?! Ну поцѣлуй!..

«Дина» поднялась и приложила морду къ щекѣ своего властелина.

— А искать будешь?.. Надо найти!.. Надо!..

Собака залаяла...

— Можно начинать? обратился къ засѣдателю жандармъ.

— Можно.

Жандармъ подвелъ «Дину» къ разложеннымъ вещамъ и далъ обнюхать.

Собака, изъ породы эрдеръ-терьеровъ, осмысленнымъ движеніемъ «*взяла запахъ*» отъ жакетокъ и мелкой рысцою побѣжала, все время не отрываясь отъ земли, въ направленіи оставшихся на землѣ слѣдовъ. Ноздри ея то расширялись, то суживались. Глаза впились въ землю, и, что всего удивительнѣе, ни собаки, ни огромная толпа людей не могли оторвать ея отъ задачи. Она шла впередъ, какъ будто она была одна.

Обогнувъ домъ Сарычева, она пошла по улицѣ, зашла въ сосѣдній дворъ, перепрыгнула низенькій плетень и очутилась у ясно отпечатаннаго на землѣ слѣда. Обнюхавъ его, она побѣжала ко двору Сарычева, перепрыгнула черезъ плетневые двери и подошла къ мѣсту, гдѣ стоялъ тарантасъ, съ другой стороны.

— Вотъ какой дорогой шелъ сюда убійца, пояснилъ жандармъ. Что это такъ, показываютъ слѣды...

Никто не протестовалъ.

— Нельзя-ли это повторить? сказалъ засѣдатель.

Собака была пущена въ другой разъ.

Жандармъ не проронилъ ни единого слова. «Дина» шла отъ слѣда къ слѣду. Тамъ, гдѣ она задерживалась прошлый разъ, она останавливалась и теперь, идя буквально по одному слѣду.

Невѣрующіе изъ толпы стали смотрѣть на собаку другими глазами, особенно когда ей дали понюхать изрѣзанный чемоданъ. Она перепрыгнула черезъ заборъ двора и побѣжала къ Аксаю. Мостикъ былъ сломанъ. «Дина» бросилась въ воду и, держа морду у плавающихъ досокъ, добралась до другого берега.

— Слѣды!.. Гдѣ слѣды? Давай слѣды!.. крикнулъ жандармъ, когда собака занялась приведеніемъ себя въ порядокъ.

«Дина» подошла къ доскѣ, обнюхала ее и, сдѣлавъ небольшую дугу, побѣжала вдоль забора сада въ направленіи къ площадкѣ, называемой «подомъ», обогнула садъ, подошла къ двери и перепрыгнула черезъ нее. Отъ двери шла узенькая тропинка къ густой травѣ. «Дина» побѣжала вдоль нея. На пути попался ровъ, тропинка пошла влѣво, но собака оставила ровъ за собою и, войдя въ траву, остановилась.

— А слѣды? спросилъ жандармъ.

«Дина» не тронулась съ мѣста, опустила голову, обнюхала и залаяла.

— Здѣсь долженъ былъ лежать чемоданъ... сказалъ жандармъ.

— Совершенно вѣрно, его нашли на этомъ самомъ мѣстѣ, я самъ его бралъ отсюда, подтвердилъ хуторской атаманъ.

И хотѣлось-бы не вѣрить четвероногому сыщику, да больно факты были разительные.

Толпа любовнымъ взглядомъ слѣдила за собакой.

— Не тѣснись, раздайся... кричала ей полиція.

— Нельзя-ли взять у васъ деньги? обратился вожатый «Дины» къ Титерину. Надо дать собакѣ понюхать—можетъ деньги найдеть.

Титеринъ досталъ три зеленыхъ кредитки и одинъ рубль.

Жандармъ взялъ деньги, положилъ ихъ въ чашку и далъ обнюхать собакѣ.

— Деньги искать будешь? спросилъ онъ у «Дины».

Та залаяла.

Не спѣша собака обнюхала кухню, небольшой домъ Сарычева,

особенно внимательно задерживалась у ногъ хозяина дома и побѣжала по улицѣ за хуторъ. Тамъ на выгонѣ были сложены скирды сѣна.

«Дина» вошла въ хуторской сѣнникъ, обогнула длинный стогъ, подошла къ одному изъ небольшихъ скирдовъ и, припавъ къ землѣ, остановилась.

— А слѣдъ гдѣ? ласково спросилъ жандармъ.

«Дина» обнюхала мѣсто подъ стогомъ и залаяла.

— Здѣсь деньги, если ихъ не взялъ другой человѣкъ, проговорилъ жандармъ. — Немножко обождите: я проверю слѣдъ обратно...

И онъ съ собакой побѣжалъ назадъ.

Толпа слѣдовала за нимъ.

Солнышко высоко поднялось надъ землею. Стало жарко, но на людей это не дѣйствовало. Закрываясь шляпами, фуражками, зонтами, они не отставали отъ «Дины». Казалось, кромѣ этой собачки съ умными глазами и обросшей мордой, для нихъ ничего не существовало: ни полиціи, грозившей пустить въ дѣло палки, ни засѣдателя, обѣщавшаго штрафовать непослушныхъ, ни атамана...

А «Дина» уже подбѣжала къ дому Сарычева. Вотъ она осторожно, размѣреннымъ шагомъ вошла въ его хату и схватила его за правую руку.

— Ты ограбилъ? обратился къ нему жандармъ.

Сарычевъ стоялъ бѣлый, какъ полотно. Никакіе допросы и слѣдствія не приводили его къ тому состоянію, въ которомъ онъ былъ теперь. Онъ молчалъ. Съ опущенными внизъ глазами онъ стоялъ передъ жандармомъ.

— Такъ, значитъ, ты?.. Вѣдь собака даромъ не будетъ указывать... Лучше сознавайся... Къ тому же и деньги нашли, хитрилъ жандармъ.

— Гдѣ? встрепенулся казакъ.

— Въ стогу сѣна.

Сарычевъ зарыдалъ. Зарыдала и его жена.

— Да я, окаянный, позарился на деньги... Черный попуталь... Берите меня, казните, мнѣ самого себя не жалко... Будь я отнынѣ проклять...

Онъ упалъ на землю. А слезы раскаянія ручьемъ текли по раскраснѣвшемуся лицу. Захлебываясь отъ нихъ, Сарычевъ повѣдалъ всю правду.

Впрочемъ, она намъ извѣстна. Пустивъ въ чай «сонное снадобье», онъ выждалъ часъ и, зайдя отъ сосѣда, подкрался къ гостямъ. Алексѣя онъ билъ больше, потому что деньги были у него, а Титерина меньше. Сначала онъ взялъ чемоданъ съ револьверами, чтобы обезопасить себя, отнесъ его за заборъ (тоже въ садъ), гдѣ былъ ясный слѣдъ его ноги, а потомъ... сталъ убивать. Стогъ разрыли, деньги нашли, а его арестовали.

И. Курмоярѣвъ.

